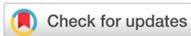

[Научный диалог = Nauchnyi dialog = Nauchnyy dialog, 13(9), 2024]
[ISSN 2225-756X, eISSN 2227-1295]

Информация для цитирования:

Палашевская И. В. Язык и ценности культуры : ультралиберальные трансформации / И. В. Палашевская // Научный диалог. — 2024. — Т. 13. — № 9. — С. 129—148. — DOI: 10.24224/2227-1295-2024-13-9-129-148.

Palashevskaya, I. V. (2024). Language and Cultural Values: Ultraliberal Transformations. *Nauchnyi dialog*, 13 (9): 129-148. DOI: 10.24224/2227-1295-2024-13-9-129-148. (In Russ.).

Перечень рецензируемых изданий ВАК при Минобрнауки РФ

**Язык и ценности культуры:
ультралиберальные
трансформации**

Палашевская Ирина Владимировна

orcid.org/0000-0002-2719-8147

доктор филологических наук,
профессор,

кафедра иноязычной коммуникации
и лингводидактики
english@volsu.ru

Волгоградский государственный
университет
(Волгоград, Россия)

**Language and
Cultural Values:
Ultraliberal
Transformations**

Irina V. Palashevskaya

orcid.org/0000-0002-2719-8147

Doctor of Philology, Professor,
Department of Foreign Language

Communication and
Language Education
english@volsu.ru

Volgograd State University
(Volgograd, Russia)

ОРИГИНАЛЬНЫЕ СТАТЬИ

Аннотация:

Исследование проведено в русле аксиологической лингвистики и направлено на изучение языка как инструмента ультралиберальных ценностно-трансформационных процессов, охвативших современный англоязычный мир. Анализируются текстовые фрагменты американских рекламных, социально-политических кампаний, судебных разбирательств, размещенные в сети Интернет. Предлагается систематизирующий взгляд на ключевые способы внедрения радикальных ценностных установок в семантическое поле культуры. Подчеркивается, что аксиологически креативные процессы сопровождаются манипулятивными изменениями формальной и содержательной сторон языка. В качестве базовых языковых инструментов трансформации ценностей культуры анализируются 1) эвфемизация, нацеленная на нормализацию и рутинизацию традиционно запретных социальных практик; 2) ресемантизация языкового знака посредством а) имплантации в ядро значения новых компонентов, отражающих ультралиберальные ценности, б) вытеснения сем, не согласующихся с радикальной идеологией. Автор приходит к выводу о том, что процесс исключения и запрет традиционных значений языкового знака носят агрессивный, оценочно-поляризованный характер, продуцируют набор вытесненных (нежелательных) тем и ультралиберальных терминов-оксюморонов.

Ключевые слова:

ультралиберальный язык; ценности культуры; аксиологические трансформации; имплантация значений; эвфемизация; подмена понятий.

ORIGINAL ARTICLES

Abstract:

The research is conducted within the field of axiological linguistics and is aimed at studying language as an instrument of ultra-liberal value transformation processes that engulf the modern English-speaking world. The materials employed are text fragments of American advertising, socio-political campaigns and court proceedings available on the Internet. It is highlighted that these processes which are axiologically creative are accompanied by manipulative changes in both the formal and content aspects of language. As basic linguistic tools of transformation of cultural values, the author analyses 1) euphemisation aimed at normalisation and routinisation of traditionally prohibited social practices; 2) resemantisation of a linguistic sign through a) implantation of new components reflecting ultra-liberal values into the core meaning, b) displacement of semes that do not agree with radical ideology. The author concludes that the process of exclusion and prohibition of traditional meanings of a linguistic sign has an aggressive, evaluative and polarising character, and produces a set of 'silenced taboo views' and ultraliberal oxymorons.

Key words:

ultra-liberal language; cultural values; axiological transformations; culture of death; semantic implantations; euphemism; substitution of concepts.

УДК 81'373.49+316.736

DOI: 10.24224/2227-1295-2024-13-9-129-148

5.9.8. Теоретическая, прикладная и
сравнительно-сопоставительная лингвистика
5.9.9. Медиакоммуникации и журналистика

Язык и ценности культуры: ультралиберальные трансформации

© Палашевская И. В., 2024

1. Введение = Introduction

Под *ценностями* понимаются культурные смыслы и связываемые с ними модели поведения, обладающие положительной значимостью для человека и общества в целом, признаваемые в качестве социально одобренных и само собой разумеющихся [Шютц, 2003, с. 236—237]. Формой передачи и актуализации ценностей выступает язык (в широком понимании языка как семиотической системы). Через язык и культуру человек связан с другими людьми, с обществом, со своим народом, и эти взаимосвязи наполнены ценностным содержанием.

Важной особенностью ценностей культуры, образующих каркас самоопределения коллективной идентичности, является их относительная устойчивость во времени. Это наиболее трудноизменяемые компоненты ориентации поведения людей [Inglehart et al., 2000; Schwartz et al., 2000]. Благодаря своей стабильности, ценности служат руководящими началами, прогностическими факторами предпочтений и выбора будущих действий [Roccas, 2017, p. 8—13]. Поэтому внедрение чужеродных воззрений и убеждений, расшатывающих ядро культуры, воспринимается как несущее угрозу существованию коллективного «мы», попытка нанесения культурной травмы (cultural trauma), поражения системы смысложизненных ориентиров общества, базовых принципов его построения, сохранения и развития [Sztompka, 2000, p. 139].

Современные процессы глобальной ценностной экспансии, связанные с распространением ультралиберальной идеологии, носят агрессивный характер и направлены на дискредитацию самобытности национальных языков и культур, разрушение традиционных ценностных представлений, многие века составлявших основу общественной морали различных этносов. Сегодня ультралиберальный язык — объект научных и общественных рефлексий [Cashion, 2022; Dierker, 2018; Holzer, 2018; Skidelsky, 2024 и др.]. Наблюдается всплеск публичных высказываний, которые выстраи-

ваются вокруг понятий национальной субъектности, культурной самости, концепции многополярности мира, поскольку для многих народов глобализация — процесс глубокого самоотчуждения, означает утрату языковой идентичности, суверенности, политического и культурного влияния.

В контексте лингвистической и культурной глобализации особую значимость приобретают жанры «искусства дня», прикладные формы, представляющие возможность для концентрированного выражения аксиологических процессов современности, мгновенного восприятия социально значимых идей и отклика массовой аудитории. К таким жанрам относится художественный плакат социальной направленности. Эмоциональная, ценностно-смысловая и эстетическая составляющие, прагматический потенциал и принципиальная доступность, свойственные данному жанру, определяют его жизнестойкость и ту роль, которую отводит общество в целом этому виду искусства в формулировании и продвижении актуальных социальных представлений.

На наш взгляд, способы глобальной трансформации ценностей и особенности ультралиберального мировосприятия ярко отражены в плакатном искусстве белорусских художников и дизайнеров В. Я. Цеслера и С. В. Войченко. Арт-объекты данных авторов характеризуются лаконичными решениями, выстраиванием броских, быстро считываемых образов, концептуальной выразительностью визуальной формы. В своем творчестве В. Я. Цеслер и С. В. Войченко используют изобразительные уподобления и превращения привычных объектов, экспликацию смысловой мотивированности их именовании, ассоциативную рекомбинацию признаков и парадоксальное соединение несоединимого, генерируя эмоции и втягивая в игру смыслов адресата. В фокусе внимания мастеров арт-дизайна особенности современного мироощущения, семантические метаморфозы реальности, ведущие к «карнавализации ценностей» и торжеству анти-нормы, пластичные идентичности, разрывающие связи с социальными и культурными контекстами. Художественная интерпретация ценностно-трансформационных процессов, которыми сегодня пронизан западный мир, их эстетическое усиление позволяют по-новому взглянуть на происходящие радикальные изменения современных представлений о дозволенном в культуре и тех лингвистически релевантных способах, посредством которых эти изменения осуществляются.

2. Материал, методы, обзор = Material, Methods, Review

Исследование исходит из фундаментального в лингвистической науке представления о языке как мирообразующей сущности [Orwell, 1946; Fairclough, 2014; Jowett et al., 2019] и направлено на изучение того, как

конструируются доминирующие идеологические значения и ценностные ориентации в обществе, как языковая и культурная память прошлого влияет на принятие или отторжение внедряемых убеждений и действий в настоящем. Данная цель достигается прежде всего посредством обращения к опыту исследования языка на лексико-семантическом уровне, наиболее открытом для идеологических включений и трансформаций [Kupelian, 2015; Mooney et al., 2015].

Лингвистическое моделирование аксиологических процессов, с обозначенных позиций, предполагает а) установление подвергаемых идеологической атаке семантических признаков ценностных феноменов, являющихся органичными элементами коллективных представлений о мире; б) рассмотрение особенностей предметно-тематической и логико-смысловой соотносительности лексических кластеров, обслуживающих радикальные ценностные установки; в) выявление способов семасиологических преобразований в производстве идеологических смыслов.

Проведенное исследование опирается преимущественно на идеи и принципы семантического анализа языка [Тарланов, 2024, с. 50—70], сфокусированные на поиске систематизирующих начал в его смысловой организации, и включает интерпретативный, компонентный анализ слов с изменённой структурой значения, элементы описания лексико-семантических образований, отражающих перекройку содержательной и формальной сторон языка и, соответственно, существующих ценностных оснований социального мироустройства.

В статье используются текстовые фрагменты, содержащие языковые маркеры аксиологических трансформаций (материалы транснациональных рекламных кампаний, социально-политических движений, законодательных актов, протоколов слушаний конгресса США).

3. Результаты и обсуждение = Results and Discussion

Языковые процессы, объективирующие аксиологические преобразования на лексическом уровне, в большинстве своем, основаны на игровых приемах, создающих своего рода лингвистическую маскировку, затрудняющую обнаружение внедряемого смысла. Рассмотрим ряд способов имплантации инородных ценностей в семантическое поле культуры.

3.1. Ресемантизация языковой единицы

В случае ресемантизации языковой единицы внедрение ценности осуществляется посредством подмены сущностного содержания знака без потери узнаваемой предметной целостности формы («чужое притворяется своим»). Визуальным воплощением этого приема может служить плакат (рис. 1), изображающий заморский напиток в стеклянной таре с железной

Рис. 1. Coca-Cola, 3 литра.
Coca-Cola, 3 Litters. Art design

крышкой, выдаваемый зотечественный продукт (банка объемом три литра — клишированный символический образ культуры быта советской эпохи). Для справки: компания Coca-Cola запустила российские продажи своего напитка в июльской Москве в преддверии XXII Олимпийских игр (1980 год). На лексическом уровне рассматриваемый прием предполагает внедрение чужеродных семантических признаков в ядро значения языковой единицы (как правило, ключевого наименования ценностной доминанты культуры — *свобода (liberty)*, *справедливость (justice)*, *семья (family)*, *любовь (love)* и т. п.). Иностраный смысл «одевается» в узнаваемую языковую форму, притягательную для местного взгляда. В идеале, осуществляется полное вытеснение и замена содержательной стороны языкового знака, а также перенос сопутствующего значения, положительных коннотаций, с прежнего наполнения на внедренное. Словесная форма срабатывает как приманка для проглатывания нового смысла. Основной принцип успеха масштабной лингвистической кампании по трансформации ценностей — глобальность по своей ориентации и локальность, культурная релевантность по языковому оформлению.

Ультралиберальные сценарии разрушения традиционных укладов захватывают страны по обе стороны Атлантики. Как пишут авторы проекта по объединению усилий консервативного движения в США (Project-2025, Heritage Foundation), прогрессивные элиты Америки (“progressive elites”, “America’s corporate and political elites”, “the globalist elites”, “Washington elites”, “entrenched elites”, “Hollywood elites” и т. п.) высокопарно говорят об открытости (*openness*), прогрессе (*progress*), опыте (*expertise*), сотрудничестве (*cooperation*) и глобализации (*globalization*). Но слишком часто эти термины являются лишь риторическими троянскими конями, скрывающими их истинные намерения, предполагающие лишение народа власти над своей судьбой, над будущим своей страны [Roberts, 2023, p. 10].

Заметим, что прием содержательной подмены может работать инверсивно, в обратном направлении, в качестве протестной реакции на инокультурную экспансию и внедрение пакета инородных ценностей, работающих в пользу источника их происхождения. Так, например, в авторском дизайне принта (рис. 2) в качестве самозащиты от инокультурного вмешательства используются стилевые идентификаторы известного французского бренда — Chanel — для популяризации гоголевской драмы об обожествлении

вещи и обмелении человеческой души. Форма в данном случае нагружается собственными культурными предпочтениями, умаляющими прежнее содержание, и используется для явления миру ценного назидания мастера русского литературного слова. Такого рода примеры свидетельствуют о возрастании роли солидарностей, усиливающих значимость монолитных обществ с многовековыми языковыми и культурными традициями при формировании глубинной идентичности людей.

3.2. Семантические разрывы и приращения

Способ «привязка нового к уже социально одобренному» предполагает объединение разнородных сущностей в узнаваемой форме (рис. 3). Вместо того чтобы создавать слова, ультралиберальный язык использует существующие, придавая им новые значения в дополнение к уже имеющимся. Конфликты между несовместимыми семантическими компонентами одного и того же слова постепенно стираются, и возможность возникновения контекстуальных двусмысленностей со временем исчезает. Это происходит посредством манипулятивной нормализации одного явления за счет надления его признаками другого, уже обладающего ценностной значимостью и поддерживаемого культурными и правовыми практиками общественного признания.

Собирание и интеграция новых смыслов могут сопровождаться подбором наиболее эстетичной формы, повышающей статус и социальную привлекательность обозначаемого. Так, однополые браки (*same-sex marriages*) относительно редки и поэтому нуждаются в инклюзивной терминологии, позволяющей им встроиться в систему существующих ценностей общества. Отсюда стремление исключить слова *husband* (муж) и *wife* (жена) из федеральных законов США и заменить их на «гендерно-нейтральные» (*gender neutral*), не умаляющие социального положения, «неоскорбительные» (*non-offensive*) термины, такие как *married couple* (супружеская пара), *spouses* (супруги), *married individuals* (индивидуумы, находящиеся в браке). Значение слова *marriage*, соответственно, подвергается изменению: *marriage* — [a civil contract by which one man and one woman take each other for husband and wife] > *a civil contract between two individuals* [PA HB 2269, s. 1].

Рис. 2. Шинель.
Chinel. Art design studio Tsesler

Рис. 3. Продовольственный рынок в г. Минске.
Minsk Foods Wholesale Market.
Art design studio Tsesler & Voichenko

Подобные семантические метаморфозы происходят на основе номинальных дефиниций (от лат. *nomen* ‘имя’), которые фокусируются на прагматической стороне знака, социальном контексте его использования и представляют собой соглашения о способах употребления слов говорящими. Слово, с данных позиций, используется как условный символ и не совпадает с объектом действительности. Так, если мы воспользуемся номинальным определением, то сможем применить слово *брак* ко всем союзам, какие пожелаем, а слово *женщина* ко всем, кто ощущает себя таковой. Наименование в таких случаях не имеет прямой детерминации, связанной с физическими свойствами обозначаемого. Тем самым стираются представления о естественном и неестественном, ранее свойственные культуре. Ярким примером таких перемен может служить расширяющееся поле гендерных идентификаций, форм самоопределения и социального самовыражения. Данные практики охватывают попеременное чередование гендерных ролей, их симбиоз (*bigender; trigender; pangender*), нейтрализацию (*gender-neutral body, neuter; neutrois*), отказ от гендерного самоопределения (*genderless, agender, non-gendered*), виртуализацию и экспериментирование с различными цифровыми идентичностями (*gender-bending/cyborg consciousness*), гендерную деструкцию, умножение гендеров и преодоление половых ограничений посредством передовых биотехнологий, кардинально меняющие мировоззрение и жизненный уклад общества (*gender-fluid world, post-gender world, world of hybrid organisms*); см. подробно: [Haraway, 2016, p. 149—181].

Отсутствие стойкой идентичности (*gender migration patterns*) согласуется с идеей позитивной свободы и многообразия, образа жизни поверх национальных, культурных, религиозных границ и барьеров. Популярность этой мировоззренческой доминанты отражается во все множущихся в английском языке словах и сочетаниях с морфемой *trans*: *trans world-making, trans-rights, trans-resistance, trans sensuous politics, trans-subjectivity, trans-identity, trans-identified, trans people, trans-community, trans-nationalism, trans-normativity* и т. д. [OED].

С точки зрения ультралиберальной идеологии, полихромность и подвижность гендера (*transgender, non-binary, intersex, bigender, trigender, pangender, genderfluid*) расширяет возможности индивидуализации личности, ее самоконструирования (*self-fashioning*), самовыражения и опыта, освобождающих от сковывающих «предрассудков» традиционной культуры (*self-expressing, self-indulgence*). При этом гендерная составляющая может быть неконформной (*born in the wrong body, gender non-conforming*), открытой для различных трансформаций и переходов (*social transition, legal transition, medical transition*), включающих в том числе генетическую кор-

рекцию, гормональную терапию, хирургическое вмешательство (*gender affirming care*), уменьшающих гендерную дисфорию, или гендерное несоответствие полу (*gender incongruence*) [APAD]. Тело человека, с данных позиций, рассматривается как платформа для преобразований, радикального дизайна, опыта нарушения биоэтических запретов, а также как объект коммерческого и потребительского интереса.

Подобные практики, разрушающие жизнеспособность любого народа, стали физическим воплощением «новой этики», «вокизма», символом общества неограниченных возможностей индивидуализированных личностей. Следует заметить, что труды ученых [Freeman, 1983; Reisman, 2003], вскрывших фальсификацию данных, антинаучность и патологическую жестокость, лежащие в основе сексуализации американской культуры, ювенального гендерного и полового просвещения, табуируются и активно изымаются из академического дискурса США [Маррен, 2024, с. 35—38].

3.3. Семантические исключения и аксиологическая поляризация

«Культурные нормы и ценности конституируются не только тем, что они утверждают и почитают, но также тем, что они исключают, отрицают, презируют и высмеивают» [Аппиа, 2024, с. 163]. Отсюда параллельно с разрывами семантической структуры слов возникают разрывы коммуникации, «стоп-сигналы», выражающие нежелательность («нерукопожатность») определенных тем, значений и действий. Обратная сторона языковой и идеологической консолидации и солидарности — исключение. Вытеснение и запрет тех или иных компонентов значений слов и соответствующих социальных практик дополняется техниками двустороннего ценностного ориентирования (*two-valued orientation*), призывающими рассматривать противостояние ультралиберальных и традиционных взглядов в рамках антиномии абсолютного блага и абсолютного зла, исключающей диапазон промежуточных значений [Найакawa, 1947, р. 138]. Самая большая проблема современной либеральной риторики, по мнению Р. Скидельски, заключается в ее тенденции строить международные отношения в моральных терминах, разделяющих мир на «хорошие» и «плохие» страны (“*good*” and “*bad*” countries). «Хотя эта дихотомия может повысить моральный дух, она препятствует усилиям по достижению глобального мира ... “справедливые войны” убивают миллионы людей» [Skidelsky, 2024].

На лексическом уровне данная антиномия выражена в ультралиберальных терминах-оксюморонах (*liberal intolerance, positive discrimination, humanitarian war, humanitarian intervention, civilized racism, soft power, peaceful aggression, coercion to peace* и др.), соединяющих полярные смыслы и представляющих собой феномен «обращенной тоталитарности» [Щипков, 2018], провозглашающей свободу в негативной форме (рис. 4). «С помо-

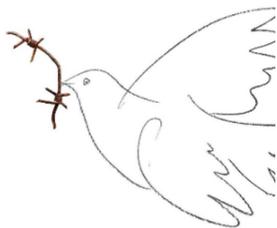

Рис. 4. Война и Мир.
War and Piece. Art design studio
Tsesler & Voichenko

стью данных единиц дискурс свободы огрубляется и присваивается, становясь главным оружием тирании» [Там же].

Как инструмент манипулятивной политической силы, лингвистически «пробуждающей» ценностно антагонистические сообщества и социальные движения, вокизм настойчиво адаптируется к странам, оказавшимся в поле экономических и политических интересов США. Представители консервативных взглядов и общественно-политических движений в Америке (Concerned Women for America, the Independent Women's Forum, the Eagle Forum, the Susan B. Anthony Foundation, Moms

for Liberty, AAPLOG (the American Association of Pro-Life Obstetricians and Gynecologists), Alliance Defending Freedom, First Liberty and Turning Point USA и др.) относят воук-термины к так называемым, в терминологии С. Хаякавы, «рычащим словам» (*snarl words*) [Hayakawa, 1947, p. 58]. Обширное поле конфликтогенных воук-лексем и выражений с уничтожительной нагрузкой и негативным эмоциональным зарядом включает следующие единицы: *woke progressivism*, *woke culture warriors*, *woke extremism*, *woke propaganda*, *woke agenda*, *wokeisms*, *woke revolutionaries*, *woke policies in corporate America*, *woke gender ideology*, *woke education cartel* и др.

3.4. Эвфемистический камуфляж и нормализация запретного в культуре

Данный способ внедрения ценностей предполагает нейтрализацию или инверсию оценочных коннотаций языковой единицы посредством подбора маскирующих терминов. Эвфемизм, в его традиционном понимании, меняет не содержание, а форму, словесную оболочку знака, используемую для вуалирования негативных признаков обозначаемого, способствуя его нейтрализации или амелиорации (рис. 5). Эти не артикулируемые в процессе общения признаки выступают в качестве само собой разумеющихся,

молчаливого знания, которое подразумевается и без труда воссоздается говорящими. Однако в качестве манипулятивного инструмента эвфемизм выполняет кодовую (парольную) функцию для узкого круга посвященных, навязывая остальным определенное отношение к ряду аспектов действительности. Молчаливое знание в таких случаях становится не-

очевидным для большинства, особенно для подрастающего поколения, и используется не его в интересах; см. также (рис. 6).

В одних случаях манипулятивная языковая маскировка направлена на релятивизацию моральных норм, формирование терпимого отношения к девиантному поведению, его дестигматизацию, в других случаях — на карнавализацию той или иной ценности, радикальное изменение отношения к социально неприемлемому, популяризацию, легализацию и рутинизацию запретного в культуре. Обе задачи являются стадиями одного процесса трансформации аксиологических оснований общества.

В качестве примеров нейтрализации знака может служить использование лексемы *substance* ‘вещество’ вместо *drug* ‘наркотик’ (*use of substances* ‘употребление веществ’) [RRIA]. Подобные обобщающие термины, распространяющиеся в англоязычной культуре, прикрывают и вытесняют главную описательную характеристику «болезни отчаяния» — *зависимость*, то есть болезненное пристрастие, чувство насильственной тяги, озабоченность употреблением, высокую приоритетность приема наркотика (*drug-taking behaviors*) перед иными формами поведения, которые когда-то имели большую ценность в жизни человека. Зависимость (*dependency*, или *addiction*) именуется как нарушение порядка в приеме веществ (*substance use disorder*), их активное потребление (*active use, person in active use*) [RRIA].

Распространение англоязычных терминов, маскирующих пагубную природу наркотиков, связано с продвижением на американский фармацевтический рынок опиоидных анальгетиков, вызывающих фатальную зависимость, но позиционируемых как безопасные. Инвестиционная привлекательность и агрессивный лингвистический маркетинг препаратов для купирования боли, направленный на благо американских фармацевтических компаний (Teva Pharmaceutical Industries, Johnson & Johnson, Endo Pharmaceuticals, Allergan, Purdue Pharma и др.), привели к эпидемии национального масштаба, унесшей сотни тысяч жизней американцев. Ключевую роль в истории «опиоидной чумы» первых десятилетий XXI века сыграл лидер в мировом рейтинге консалтинга McKinsey, разработав крупнейшую в истории фармацевтики кампанию по продвижению препаратов, производимых Purdue Pharma. Сегодня услуги McKinsey для опиоидной фарминдустрии характеризуют как «банальность зла» (термин Ханны Арендт, 1963) [Prentice, 2021], маркетологи опиоидной кампании позиционируются «ужасающе нормальными людьми», с рациональным усердием множившими «пилюльные мельницы» и «кабинетных убийц», превращая боль и зависимость пациентов в возможность извлечения прибыли и получения щедрых гонораров за свои консультации [Prentice, 2021; Keefe, 2021; Kupelian, 2015].

Деятельность McKinsey по продвижению продукции Purdue Pharma включала запуск лингвистически сильного бренда, разработку стратегий взаимодействия со специалистами, влияющими на решение пациентов о приобретении опиоида. В судебных разбирательствах перечень оправданий и извинительных обстоятельств врачебного участия в смертоносной кампании создавал образ медицинских специалистов как действовавших из добрых намерений и введенных в заблуждение [The role of Purdue Pharma ..., 2020, p. 21]. Официальная позиция компании *Purdue Pharma* относительно наркотической нагрузки производимых ею препаратов (*OxyContin* и др.) строилась на перекладывании вины и ответственности за последствия их употребления на пациентов. Проблема, по словам руководства компании, не в наркотике, а в тех, кто им злоупотребляет: «We have to hammer on the opioid abusers in every way possible. They are the culprits and the problem. They are reckless criminals» [The role of Purdue Pharma ..., 2020, p. 26] (Компания *Purdue* должна «всеми возможными способами обрушиться на опиоидных злоупотребителей. Они — виновники и проблема. Они — безрассудные преступники»). П. Р. Киф назвал индивидуальную ответственность потребителя отличительным принципом американской экономики, фактически освобождающим производителя от юридической ответственности за выпуск опасного продукта и любые разрушительные последствия, связанные с его употреблением: «It is a peculiar hallmark of the American economy that you can produce a dangerous product and effectively off-load any legal liability for whatever destruction that product may cause by pointing to the individual responsibility of the consumer» [Keefe, 2021, p. 308].

Инверсия ролей жертвы и преступника (*Abusers aren't victims. They are the victimizers*) в опиоидной кампании надежно согласуется со стратегиями облагораживания действий ее разработчиков и реализаторов. В рекламных сообщениях анальгетик *OxyContin* образно описывался как возможность обретения «свободы» (*freedom*) и «душевного спокойствия» (*peace of mind*), «наилучший шанс жить полноценной и активной жизнью» (*the best possible chance to live a full and active life*). Слоган рекламы, выпущенной Purdue Pharma в 2016 году: *We sell hope in a bottle — Мы продаем надежду в каждой флаконе* [Satterfield, 2018]. Заявления специалистов, размещенные на веб-сайтах PainKnowledge.com, PainAction.com, PrescribeResponsibly.com, убеждали общественность в безопасности названного рецептурного опиоида, возможности индивидуализации дозировки и ее увеличения по мере привыкания организма к действию препарата. Изобретенный термин *pseudo-addiction* ('псевдо-зависимость') толковался как состояние, похожее на синдром отмены, но вызванное неснятой болью и прекращающееся путем ее купирования за счет увеличения дозы препарата: «Pseudo-addiction

seems similar to addiction, but is due to unrelieved pain...Pseudo-addiction generally stops once the pain is relieved, often through an increase in opioid dose» [Keefe, 2021, p. 312]. Лингвистический маркетинг был направлен на установление ассоциативной связи между «псевдо-состоянием» и его лечением в сознании пациента, то есть приобретением опиоида.

Эвфемистический язык пробуждает защитные механизмы эмоционального отстранения и ослабления социальной ответственности личности за свои действия [Bandura, 2002]. Проект *Turbocharge*, разработанный McKinsey с целью преодоления опиоидного кризиса (*opioid crisis*) и проблем, связанных с доступом к рынку (*market access challenges*), означающих гибель около полумиллиона человек, предусматривал денежную выплату дистрибьюторам опиоидов за каждый «случай» передозировки или смерти, связанный с реализованными ими таблетками. Жертвы бескровной бойни (*persons seriously ill or dead from OxyContin*) обозначались безликим термином *event* («случай») [Prentice, 2021].

Непрямые наименования позволяют не только отвлекать внимание от вредоносности совершаемых действий, но и создавать иллюзию их благородности. Однако под таким термином, как *end-to-end pain service* («непрерывность обслуживания пациента, испытывающего боль»), подразумевается не врачебная помощь, а культивирование и удовлетворение непрерывного спроса на препарат, то есть неустанное втягивание все большего количества людей в спираль усиливающейся зависимости и привыкания (рис. 6).

Эвфемистический язык, способы публичного сохранения лица, церемониальный характер коллективного возмущения и порицания действий представителей компаний Purdue Pharma и McKinsey в заседаниях Конгресса США свидетельствуют о распространении лингвистической культуры конструирования прибыльных деструктивных событий, социальных «жизнетрясений».

3.5. Прямая vs. непрямая номинация

Как отмечает Дж. ван Марен, «распространяющаяся культура смерти создала общество, фундаментальные ценности которого основаны на самоубийстве» [Марен, 2024, с. 252]. С одной стороны, эта культура вбирает в себя производство и потребление веществ, угрожающих здоровью и благополучию людей, с другой стороны — такие практики, как аборт, эвтаназия и ассистированное самоубийство. Каждая из этих практик сформировала свой язык, отрицающий ее сущность.

Рис. 6. Lie.
Art design studio Tsesler
& Voichenko

Так, например *контроль* рождаемости означает ее *ограничение* (*birth control*), широкий спектр методов и средств контрацепции, а также мораторий на рождение детей определенных слоев населения разных стран, являющихся целевыми для транснациональных поставщиков «услуг по планированию семьи». Такие выражения, как *reproductive freedom* — репродуктивная свобода, *personal decision* — личное решение (*Who will decide you or the State?; There are no good or bad abortions, just abortions that people decide to have* [A.L.L.]), *freedom of choice* — свобода выбора и т. п., уводят в сторону от того, что, в случае аборта (*abortions up to the moment of birth* ‘prenatal killing’, *post-birth abortions* ‘infanticide’), является предметом *выбора* или проявлением *свободы* как фундаментальных ценностных принципов американской демократии.

Как подчеркивают Г. С. Джоуэт и В. О’Доннел, чтобы изменить ценности общества, убеждающий должен опираться на уже существующие, используемые им в качестве якоря (*anchor*). Чем сильнее убеждение целевой аудитории, тем больше вероятности того, что оно повлияет на формирование нового [Jowett, 2019, p. 39].

Вместе с тем частое использование эвфемизмов и ключевых ценностных репрезентант культуры способствует выветриванию их облагораживающих и консолидирующих свойств, что требует постоянного обновления ультралиберальной риторики. Данные единицы выполняют свои функции до тех пор, пока производят правдоподобную модель реальности. Исчерпав свои возможности, они превращаются в мертвые штампы и могут употребляться с иронией, разоблачающей скрываемый ими смысл. С другой стороны, необходимость в лингвистическом камуфляже отпадает, если маскируемые им явления и практики больше не вызывают отторжения. Поэтому на смену одним терминам приходят другие.

Так, концепция смерти с достоинством (*Dignity in Dying*) предполагает отказ от терминов *euthanasia* (эвтаназия), *physician-assisted suicide* (PAS) или *assisted suicide* (самоубийство при врачебном содействии) и их замещение такими единицами, как *physician-assisted dying/death* (PAD) и *medical aid in dying* (MAiD) (врачебная помощь в уходе из жизни). Новые термины, означая прежние практики, акцентируют необходимость контроля процедуры, гарантирующего ожидаемый результат ее осуществления, и обозначают, в частности, приготовление летальных веществ для их самостоятельного приема пациентом под наблюдением медицинского специалиста (*an assisting health professional may prepare that medicine for self-administration by that person* [AD Bill 7 [HL], 2024, s. 4, sub-s. 4(a)]), а также в случае необходимости помощь в их «самостоятельном» принятии больным (*an assisting health professional may assist that person to ingest or otherwise self-admin-*

ister the medicine [AD Bill 7 [HL], 2024, s. 4, sub-s. 4(c)). Представляется, что выбор новых формулировок обусловлен, с одной стороны, исторически устоявшимися отрицательными коннотациями слов, обозначающих *самоубийство* (*self-caused death, self-destruction, self-homicide, self-murder, self-slaughter, suicide*) в культуре, с другой стороны — имеющими место негативными представлениями о врачах, практикующих эвтаназию, как «поставщиках смерти» (*doctors Death, merchants of death, angels of death, new Frankensteins* [Hall, 1994, p. 3—13]), а не борцах за жизнь своих пациентов. Ценностью-якорем для продвижения данных практик, получающих все большую поддержку со стороны англоязычного медицинского и законодательного сообщества, служит *human dignity* — достоинство человека. Однако, как заметил, У. Дж. Смит, исследователь в области биоинженерии, человеческое достоинство пациента, к которому применяется эвтаназия, легко умалить до биологического материала, используемого «на благо общества» («... once a person is deemed to be a member of a killable caste, c-a-s-t-e, it becomes easier to reduce his worth to that of a mere natural resource that can be exploited for the benefit of society» [Smith, 2015]).

Следует заметить, что открытое использование прямых именованных (*dying, death*) прежде табуированной темы свидетельствует о снижении моральной чувствительности общества и способствует принятию ухода из жизни как обыденной и распространенной услуги (*end of life service*) по врачебному назначению (*death by appointment*).

4. Заключение = Conclusions

Культура — набор значений, форм и соглашений, посредством которых она создается и изменяется [Jowett et al., 2019; Bandura, 2002; Fairclough, 2014]. Ультралиберальные лингвистические преобразования, которые сегодня наблюдаются, включают искусственные разрывы исторически сложившихся взаимосвязей формальной и содержательной сторон языка, намеренное стирание культурной мотивированности языковых знаков, лежащей в основе их естественного образования при обозначении действительности.

Подмена понятий и эвфемизация — зеркально взаимосвязанные и стремящиеся навстречу друг другу ключевые языковые процессы ультралиберальной трансформации ценностей. Сама возможность множественных значений, полисемии слов открывает перспективу для новых включений в интерпретацию языкового символа в выгодном направлении, что влечет к сдвигу словесных полей, покрывающих понятийные. В то же время за изменением формальной стороны языка, словесной оболочки следует перекройка понятийной сферы, то есть создаваемой или воссоздаваемой языком реальности. Изучение этих взаимообусловленных процессов

чрезвычайно важно для понимания того, как трансформируется общество, как происходит принудительная перекройка и имплантация приоритетов, предпочтений, желаний людей.

Было бы наивным утверждать, что трансформации ценностей носят исключительно насильственный и манипулятивный характер. Любая идеология стремится прежде всего к добровольному изменению общества. В распространяющейся антикультуре требуется добровольное согласие тех, кого убеждают. Как утверждают авторы книги «Пропаганда и убеждение», в случае осознания намерений убеждающего и возникновения ауры добровольного общественного согласия возникает обоюдная взаимность, при которой уже существующие предвзятые и корыстные установки в обществе объявляются и удовлетворяются, а потребности пропагандиста — достижение эгоистичной цели благодаря согласию аудитории — удовлетворяются, но не вербализуются [Jowett et al., 2019, p. 60]. Эвфемия и подмена понятий — в случае такой взаимности — служат в качестве благовидной маски для «сохранения лица» заинтересованных сторон взаимодействия. Неприемлемое превращается в ценное, «облачаясь» в маскарадный костюм просвещенности (enlighteness), справедливости (fairness), милосердия (mercy), «толерантности» (tolerance), «свободы» (freedom) и «разнообразия» (diversity) и т. п.

Власть ультралиберального языка навязывается социально и культурно путем многократного воспроизведения слов, речевых актов и действий в повторяющихся ситуативных контекстах. Ниспровержение данного феномена начинается с отстранения, его превращения в бумажный объект научный исследований [Щипков, 2018], а также освобождения публичного пространства, прежде всего образовательного, от отравляющего умы подрастающего поколения яда разрушительных концепций и терминов.

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

The author declares no conflicts of interests.

Источники и принятые сокращения

1. *Арт-дизайн-студия* В. Цеслер и С. Войченко — фотогалерея работ [Электронный ресурс]. — Режим доступа : <https://hvali.by/> (дата обращения 21.08.2024).
2. *Щипков А. В.* Либерлингва или чужая речь [Электронный ресурс] / А. В. Щипков // Парламентская газета. — 2018. — Выпуск 14. — Режим доступа : <https://news.rambler.ru/> (дата обращения 21.08.2024).
3. A. L. L. — *American Life League BBS. Pro-Abortion slogans and how to handle them* / A. L. L. // Eternal Word Television Network; Inc. Irondale, Alabama [Electronic resource]. — Access mode : <https://www.ewtn.com/catholicism/library/> (accessed 17.08.2024).
4. AD Bill 7 [HL] — *Assisted Dying for Terminally Ill Adults Bill* [HL] [Electronic resource]. — Access mode : <https://bills.parliament.uk/publications/55997/documents/4978> (accessed 17.08.2024).

5. APAD — *American Psychological Association Dictionary of Psychology* [Electronic resource]. — Access mode : <https://dictionary.apa.org/> (accessed 17.08.2024).
6. *Cashion L.* Word Wars — How Academic Activists Manipulate Language to Win Political Battles [Electronic resource] / L. Cashion // *Revolution of man* : blog. — March 3, 2022. — Access mode : <http://revolutionofman.org/> (accessed 15.07.2024).
7. *Dierker B. R.* How the Left's War on Words Manipulate Your Mind [Electronic resource] / B. R. Dierker // *The Federalist Community Media*. — May 1, 2018. — Access mode : <http://thefederalist.com/> (accessed 15.08.2024).
8. *Hall A.* Jack Kevorkian. Doctor Death / A. Hall // *Inside stories*. — Leicester : Blitz Editions, 1994. — Pp. 3—13. — ISBN 1-85605-206-0.
9. *Holzer Sh.* How liberals abuse language / Sh. Holzer // *The Imaginative Conservative* : online journal. Categories: Culture, Language. — 2018. — March 5th. — Access mode : <https://theimaginativeconservative.org/> (accessed 01.08.2024).
10. OED — *Oxford English Dictionary* [Electronic resource]. — Access mode : <https://www.oed.com/> (accessed 15.08.2024).
11. PA HB 2269 — *Pennsylvania Assembly House Bill 2269* [Electronic resource] // *The General Assembly of Pennsylvania. Regular Session of 2024*. — Access mode : <https://legis.state.pa.us/> (accessed 23.08.2024).
12. *Prentice R.* The Banality of Evil, MBA Edition [Electronic resource] / R. Prentice // *Ethics Unwrapped* : a free educational program blog. McCombs School of Business. — March 22nd, 2021. — Access mode : <https://ethicsunwrapped.utexas.edu/> (accessed 15.08.2024).
13. *Roberts K. D.* A promise to America / K. D. Roberts // *Mandate for Leadership. The Conservative Promise. Project 2025*. — Washington : The Heritage Foundation, 2023. — 887 p. — ISBN 978-089195-174-2.
14. RRIA — *Recovery Research Institute Addiction-ary* [Electronic resource]. — Access mode : <https://www.recoveryanswers.org/> (accessed 15.08.2024).
15. *Satterfield J.* Purdue Pharma pushed opioids as 'hope in a bottle', records show [Electronic resource] / J. Satterfield // *Knox News*. — July 6, 2018. — Access mode : <https://www.knoxnews.com> (accessed 15.08.2024).
16. *Skidelsky R.* The Language of Political Control / R. Skidelsky // *Project Syndicate. The World's Opinion Page*. — Apr. 19, 2024. — Access mode : <https://www.project-syndicate.org/commentary/> (accessed 20.08.2024).
17. *Smith W. J.* Human Exceptionalism. Euthanasia and Assisted Suicide / W. J. Smith // *Ancient Faith Ministries* : podcast. — 2015. — Sept. 11. — Access mode : <https://www.ancientfaith.com/podcasts/> (accessed 20.08.2024).
18. *The role of Purdue Pharma* and the Sackler family in the opioid epidemic. Hearing before the Committee on Oversight and Reform. H. R. — 116th Congress, 2nd session, Dec. 17, 2020. — Serial № 116—130. — Washington : U.S. Gov. Publ. Office, 43-010, 2021. — 60 p.

Литература

1. *Аппиа К. Э.* Этика идентичности / К. Э. Аппиа. — Москва : Новое литературное обозрение, 2024. — 504 с. — ISBN 978-5-4448-2219-7.
3. *Марен Дж. ван.* Война культур : как сексуальная революция изменила западную цивилизацию [16+] / Дж. Ван Марен. — Москва : Эксмо, 2024. — 360 с. — ISBN 978-5-04-169186-8.
3. *Тарланов З. К.* Методы лингвистического анализа / З. К. Тарланов. — Москва : Урайт, 2024. — 236 с. — ISBN 978-5-534-07101-6.

4. Шютц А. Смысловая структура повседневного мира : Очерки по феноменологии социологии / А. Шютц. — Москва : Ин-т Фонда «Обществ. мнение», 2003. — 334 с. — ISBN 5-93947-012-2.
5. *Arendt H.* Eichmann in Jerusalem. A Report on the Banality of Evil / H. Arendt. — New York : The Viking Press, 1963. — 275 p.
6. *Bandura A.* Selective moral disengagement in the exercise of moral agency / A. Bandura // *Journal of Moral Education*. — 2002. — Vol. 31 (2). — Pp. 101—119.
7. *Fairclough N.* Language and Power / N. Fairclough. — London : Routledge, 2014. — 274 p. — ISBN 9781138790971.
8. *Freeman D.* Margaret Mead and Samoa : The making and unmaking of an anthropological myth / D. Freeman. — London : Harvard University Press, 1983. — 414 p. — ISBN 0-674-54830-2.
9. *Haraway D. J.* Simians, Cyborgs and Women : The Reinvention of Nature / D. J. Haraway. — New York : Routledge, 1991. — 312 p. — ISBN 9780415903875.
10. *Hayakawa S.* Language in action. A guide to accurate thinking, reading and writings / S. Hayakawa. — New York : Harcourt, Brace and Company, 1947. — 243 p.
11. *Inglehart R.* Modernization, Cultural Change and the Persistence of Traditional Values / R. Inglehart, W. Baker // *American Sociological Review*. — 2000. — Vol. 65 (1). — Pp. 19—51.
12. *Jowett G.* Propaganda & Persuasion / G. Jowett., V. O'Donnell. — Los Angeles : SAGE, 2019. — 416 p. — ISBN 978-1-5063-7134-4.
13. *Keefe P. R.* Empire of Pain : The Secret History of the Sackler Dynasty / P. R. Keefe. — New York : Doubleday, 2021. — 779 p. — ISBN 9780385547741.
14. *Kupelian D.* The Marketing of Evil : How Radicals, Elitists, and Pseudo-Experts Sell Us Corruption Disguised as Freedom / D. Kupelian. — Washington, D. C. : WND Books, 2015. — 341 p. — ISBN 1942475217.
15. *Mooney A.* Language, Society and Power / A. Mooney, B. Evans. — London : Routledge, 2015. — 262 p. — ISBN 9780415740005.
16. *Orwell G.* Politics and the English language / G. Orwell // *Horizon*. — April 1946. — Volume 13. — Iss. 76. — Pp. 252—265.
17. *Reisman J. A.* Kinsey : Crimes and Consequences : The Red Queen and the Grand Scheme / J. A. Reisman. — Kentucky : The Institute for Media Education, 2003. — 342 p. — ISBN 9780966662405.
18. *Roccas S.* Values and Behavior : Taking a Cross Cultural Perspective / S. Roccas, L. Sagiv. — New York : Springer International Publishing A&G, 2017. — 255 p. — ISBN 9783319563503.
19. *Schwartz S. H.* Value adaptation to the imposition and collapse of Communist regimes in Eastern Europe / S. H. Schwartz, A. Bardi, G. Bianchi // *Political psychology : cultural and cross-cultural perspectives*. — London : Macmillan, 2000. — Pp. 217—237.
20. *Sztompka P.* Cultural Trauma : The Other Face of Social Change / P. Sztompka // *European Journal of Social Theory*. — 2000. — Vol. 3 (4). — Pp. 449—466.

*Статья поступила в редакцию 24.08.2024,
одобрена после рецензирования 29.10.2024,
подготовлена к публикации 12.11.2024.*

Material resources

A. L. L. — American Life League BBS. Pro-Abortion slogans and how to handle them. *Eternal Word Television Network; Inc. Irondale, Alabama*. Available at: <https://www.ewtn.com/catholicism/library/> (accessed 17.08.2024).

- AD Bill 7 [HL] — *Assisted Dying for Terminally Ill Adults Bill [HL]*. Available at: <https://bills.parliament.uk/publications/55997/documents/4978> (accessed 17.08.2024).
- APAD — *American Psychological Association Dictionary of Psychology*. Available at: <https://dictionary.apa.org/> (accessed 17.08.2024).
- Art design studio V. Tesler and S. Voychenko — photo gallery of works*. Available at: <https://hvali.by/> (accessed 21.08.2024). (In Russ.).
- Cashion, L. (2022). Word Wars — How Academic Activists Manipulate Language to Win Political Battles. *Revolution of man: blog, March 3*. Available at: <http://revolution-ofman.org/> (accessed 15.07.2024).
- Dierker, B. R. (2018). How the Left's War on Words Manipulate Your Mind. *The Federalist Community Media, May 1*. Available at: <http://thefederalist.com/> (accessed 15.08.2024).
- Hall, A. (1994). Jack Kevoorkian. Doctor Death. In: *Inside stories*. Leicester: Blitz Editions. 3—13. ISBN 1-85605-206-0.
- Holzer, Sh. (2018). How liberals abuse language. *The Imaginative Conservative: online journal. Categories: Culture, Language, March 5th*. Available at: <https://theimaginative-conservative.org/> (accessed 01.08.2024).
- OED — *Oxford English Dictionary*. Available at: <https://www.oed.com/> (accessed 15.08.2024).
- PA HB 2269 — Pennsylvania Assembly House Bill 2269. *The General Assembly of Pennsylvania. Regular Session of 2024*. Available at: <https://legis.state.pa.us/> (accessed 23.08.2024).
- Prentice, R. (2021). The Banality of Evil, MBA Edition. *Ethics Unwrapped: a free educational program blog, McCombs School of Business, March 22nd*. Available at: <https://ethicsunwrapped.utexas.edu/> (accessed 15.08.2024).
- Roberts, K. D. (2023). A promise to America. In: *Mandate for Leadership. The Conservative Promise. Project 2025*. Washington: The Heritage Foundation. 887 p. ISBN 978-089195-174-2.
- RRIA — *Recovery Research Institute Addiction-ary*. Available at: <https://www.recoveryanswers.org/> (accessed 15.08.2024).
- Satterfield, J. (2018). Purdue Pharma pushed opioids as 'hope in a bottle', records show. *Knox News, July 6*. Available at: <https://www.knoxnews.com> (accessed 15.08.2024).
- Shchipkov, A. V. (2018). Liber lingua or someone else's speech. *Parliamentary Newspaper, 14*. Available at: <https://news.rambler.ru/> (accessed 21.08.2024). (In Russ.).
- Skidelsky, R. (2024). The Language of Political Control. Project Syndicate. *The World's Opinion Page, Apr. 19*. Available at: <https://www.project-syndicate.org/commentary/> (accessed 20.08.2024).
- Smith, W. J. (2015). Human Exceptionalism. Euthanasia and Assisted Suicide. *Ancient Faith Ministries: podcast, Sept. 11*. Available at: <https://www.ancientfaith.com/podcasts/> (accessed 20.08.2024).
- The role of Purdue Pharma and the Sackler family in the opioid epidemic. Hearing before the Committee on Oversight and Reform. H. R. 116th Congress, 2nd session, Dec. 17, 2020. Serial № 116—130*. (2021). Washington: U.S. Gov. Publ. Office, 43-010. 60 p.

References

- Appiah, K. A. (2024). *The ethics of identity*. Moscow: Novoe Literaturnoe Obozrenie. 504 p. ISBN 978-5-4448-2219-7. (In Russ.).

- Arendt, H. (1963). *Eichmann in Jerusalem. A Report on the Banality of Evil*. New York: The Viking Press. 275 p.
- Bandura, A. (2002). Selective moral disengagement in the exercise of moral agency. *Journal of Moral Education*, 31 (2): 101—119.
- Fairclough, N. (2014). *Language and Power*. London: Routledge. 274 p. ISBN 9781138790971.
- Freeman, D. (1983). *Margaret Mead and Samoa: The making and unmaking of an anthropological myth*. London: Harvard University Press. 414 p. ISBN 0-674-54830-2.
- Haraway, D. J. (1991). *Simians, Cyborgs and Women: The Reinvention of Nature*. New York: Routledge. 312 p. ISBN 9780415903875.
- Hayakawa, S. (1947). *Language in action. A guide to accurate thinking, reading and writings*. New York: Harcourt, Brace and Company. 243 p.
- Inglehart, R., Baker, W. (2000). Modernization, Cultural Change and the Persistence of Traditional Values. *American Sociological Review*, 65 (1): 19—51.
- Jowett, G., O'Donnell, V. (2019). *Propaganda & Persuasion*. Los Angeles: SAGE. 416 p. ISBN 978-1-5063-7134-4.
- Keefe, P. R. (2021). *Empire of Pain: The Secret History of the Sackler Dynasty*. New York: Doubleday. 779 p. ISBN 9780385547741.
- Kupelian, D. (2015). *The Marketing of Evil: How Radicals, Elitists, and Pseudo-Experts Sell Us Corruption Disguised as Freedom*. Washington, D. C.: WND Books. 341 p. ISBN 1942475217.
- Maren, J. van. (2024). *The War of Cultures: How the Sexual Revolution changed Western Civilization [16+]*. Moscow: Eksmo. 360 p. ISBN 978-5-04-169186-8. (In Russ.).
- Mooney, A., Evans, B. (2015). *Language, Society and Power*. London: Routledge. 262 p. ISBN 9780415740005.
- Orwell, G. (1946). Politics and the English language. *Horizon*, 13 (76): 252—265.
- Reisman, J. A. (2003). *Kinsey: Crimes and Consequences: The Red Queen and the Grand Scheme*. Kentucky: The Institute for Media Education. 342 p. ISBN 9780966662405.
- Roccas, S., Sagiv, L. (2017). *Values and Behavior: Taking a Cross Cultural Perspective*. New York: Springer International Publishing A&G. 255 p. ISBN 9783319563503.
- Schutz, A. (2003). *The semantic structure of the everyday world: Essays on phenomenology. Sociology*. Moscow: Institute of the Foundation “Societies. Opinion”. 334 p. ISBN 5-93947-012-2. (In Russ.).
- Schwartz, S. H., Bardi, A., Bianchi, G. (2000). Value adaptation to the imposition and collapse of Communist regimes in Eastern Europe. In: *Political psychology: cultural and cross-cultural perspectives*. London: Macmillan. 217—237.
- Sztompka, P. (2000). Cultural Trauma: The Other Face of Social Change. *European Journal of Social Theory*, 3 (4): 449—466.
- Tarlanov, Z. K. (2024). *Methods of linguistic analysis*. Moscow: Yurait. 236 p. ISBN 978-5-534-07101-6. (In Russ.).

*The article was submitted 24.08.2024;
approved after reviewing 28.10.2024;
accepted for publication 15.11.2024.*